

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Памяти В. М. Иллич-Свитыча:
материалы круглого стола**

Москва 2017

К описанию ударения старых полонизмов в украинском языке¹

Далеко не все заимствования в украинский язык из польского однозначно опознаются как таковые. Собственно польские слова отличимы от украинских в первую очередь только по сегментным чертам (ср. укр. *міць* ‘мощь’ явно ← пол. *tos*, в отличие от исконного укр. *міч*). Но имеется также обширный пласт иноязычных слов (главным образом германизмов), заимствованных в украинский через польское посредство. Все эти заимствования в украинском обычно имеют и соответствующее ударение — по крайней мере, в части форм — на предпоследнем слоге. Ниже будет дан краткий обзор случаев тривиального отражения польских существительных в украинском (лишь для общего ознакомления). Затем мы подробнее рассмотрим одну группу заимствований — на *-ap*, после чего остановимся на трудных случаях неожиданного ударения в словах, традиционно относимых к полонизмам (видимо, ошибочно).

1. Равносложные существительные

Тривиальные случаи представлены существительными женского и среднего родов с неизменным количеством слогов в большинстве форм парадигмы. Тогда в украинских словах ударение колонное, на предпоследнем слоге, как и в польских словах-источниках (даем несколько примеров; больше их здесь разбирать не будем):

женский род на *-a*: 1. *увáга* ‘внимание’ ← *uwaga*; 2. *цнóта* ‘добродетель’ ← *spota*; 3. *ропу́ха* ‘жаба’ ← *ropucha* и мн. др.;

в т. ч. германизмы: 1. *ку́хня* ← *kuchnia* [← (м. б., через чешское посредство) свн. *kuchňna*]; 2. *ку́ля* ‘шар, пуля’ ← *kula* [← свн. *kûle*]; 3. *ма́вна* ‘обезьяна’ ← *malpa* [← ранне-нвн. *malaffē*] и мн. др.²

¹ Благодарю М. Н. Саенко, В. Г. Скляренко, Войцеха Смочиньского, Синушу Хабианца, Рафала Шептыньского.

² Среди таких заимствований есть слова с обlichem, характерным для исконных слов: 1. *хві́ля* ‘минута, миг’ (не ***хвіля*) ← *chwila* [← двн. *hwil(a)*]; 2. *пра́ця* ‘работа’ (не ***праца*) ← *praca* [← ст.-чеш. *pracĕ* (совр. *práce*)] и мн. др. В части случаев, видимо, это древние заимствования, попавшие в украинский до тех или иных переходов, но имеются случаи с пересчетом гласных (?): укр. *шкі́ра* ‘кожа’ ← пол. *skóra*; однако при этом укр. *ро́ба* (***пріба*) и *ро́жа* ‘роза, мальва’ (***ріжа*), которые, возможно, заимствованы из пол. ст. и диал. *proba* (совр. лит. *próba*) и *roža* (совр. лит. *róža*).

Средний род: 1. *простира́дло* ‘простыня’ ← *prześcieradło*; 2. *бу́дло* ← *bydło* и мн. др.³

Столь же тривиальны почти все случаи существительных с беглым гласным (но см. ниже о слове *цебер* ‘бадья’): 1. *ку́холь*, род. -хля ‘кружка’ ← *kufel*, -*fla* [← свн. *küefel* ← лат. *cūpella*]; 2. *раху́нок*, -у́нку ‘счет’ ← *rachunek*, -*nku* [← нвн. *Rechnung*]; в т. ч. с суффиксом -у́нок, род. -у́нка/у (пересмысленным на польской почве из нем. -*ung*): *поцілу́нок*, -у́нку ‘поцелуй’ ← *posałunek*, -*nku* и др.⁴

В некоторых случаях ударен не второй, а третий слог с конца. Так, укр. *ра́туша*, очевидно, построено на украинской почве из **ра́туш*, род. **-уш* (3-го склонения?) ← пол. *ratusz* м. [← свн. *rat-hūs*], причем в украинском сохраняется ударение, с которым слово было заимствовано. Так же построено, возможно, укр. *скро́ня* ‘висок’ из **скронь* (ср. бел. *скронь*) ← пол. *skroń* ж. Подобный случай: *ярмарок*, -рку ‘ярмарка’ ← *jarmark* (при диал. *jarmarek*) [← свн. *jārmärke*]; здесь по ударению видно, что беглый гласный вставлен на украинской почве (в противном случае остается предполагать ударение пол. ***jarmarek*).

2. Неравносложные существительные

В существительных мужского рода без беглого гласного косвенные формы обычно на один слог длиннее, чем прямая. В них возможно несколько акцентных типов (система обозначений упрощена из праславянской реконструкции В. А. Дыбо [Дыбо 2000: 97]):

а. т. А — колонное ударение на корне, ср. *не́кар*, -я;

а. т. F — колонное ударение на последнем слоге основы, ср. *папі́р*, *папе́ру* ‘бумага’;

а. т. В — окончное ударение (т. е. на последнем слоге основы или на окончании), ср. *лани́юг*, -а́ ‘цепь’.

³ Однако есть и отклоняющиеся случаи, ср. *і́дло* и *і́дло́* ‘снедь’ ← *jadło*. Здесь мы их разбирать не будем (в данном случае окончное ударение инновативно ввиду прасл. **jědlo*, ср. схрв. *jělo*; ср. также колебания в исконных словах типа *срі́бло* [Винницький 2004: 141]).

⁴ Случай с неясным пересчетом: *фі́льва́рок*, -рку ‘усадыба, мыза’ ← пол. диал. *folwarek*, -*rku* (лит. *folwark*) [← свн. *vorwērc*].

2.1. Односложные основы

В украинском обычно а. т. А (колонное наосновное): 1. *крóк*, -у 'шаг' ← *krok*; 2. *кóшт*, -у 'денежные средства' ← *koszt* [← свн. *kost(e)*]; 3. *цв'я́х*, -а 'гвоздь' ← пол. диал. *ćwięk* (лит. *ćwiek*) [← свн. *zwęć*], ср. уменьш. *цв'я́шок* и мн. др.⁵

Иногда в части парадигмы, а также в словообразовании, проявляется тенденция к конечноударности (смесь а. т. А и В): 1. *да́х*, -у 'крыша' ← *dach* [← свн. *dach*], но мест. ед.: *на даху́*, мн. *дахі́* производное уменьш. *дашóк* 'козырек, навес'; 2. *па́н*, -а 'господин, барин' ← *pan* [← ст.-чеш. *hrán* ← ?], но мн. *пані́* (в подпарадигме множественного числа это следует считать одним из вариантов тривиального развития) и др.

Есть несколько случаев более сильной выраженности этой тенденции: 1. *шля́х*, -у и *шляху́* 'путь' ← *szlak, szlag* [← свн. *slac*]; 2. *сма́к*, -у, но чаще *смаку́* 'вкус' ← *smak* [← свн. *smac*] и нек. др., подробнее см. [Скляренко 2006: 86, 98].

Возможно, дело здесь во вторичном выделении «субморфа», т. е. как бы суффикса *-áк*, *-акá*, однако ср. подвижное ударение в словинском *šlā́х*, род. мн. *šlahóу*).

В этот же ряд входит, по крайней мере, одно слово с беглым гласным: *це́бер*, -бра и *цебе́р*, -бра́ 'бадья' ← *ceber, -bra* [Скляренко 2006: 115]; [Пристай, Пристай 2012: 221]. Этот бесспорный полонизм, видимо, поздно получил наконецное ударение (вероятно, в связи с обилием конечноударных слов с беглым перед сонантом, ср. также вторичное *корабе́ль*, -бля́).

2.2. Неодносложные основы

Ударение обычно колонное на одном из слогов основы. Очевидно, что в заимствованиях речь идет о выборе между двумя местами ударения слова-источника, ср. пол. *ówoc* 'плод, фрукт', но род. *owóси*, мн. *owóсе*⁶.

⁵ С пересчетом: *дрі́т*, *дрóту* 'провода, провод' ← пол. ст. *drót* (совр. *drut*) [← свн. *drāt*] и др.

⁶ Именно такое сугубо польское ударение иногда имеют полонизмы в галицких диалектах (в частности в городском говоре Львова), но только во множественном числе, ср. *кóльп*, *кóльору*, мн. *кольóри* (лит. *кольорі*); *дóктор*, *дóктора*, мн. *доктóри* (лит. *докторі*). Этот тип следует считать остатком недавней украинско-польской диглоссии.

Возможны три акцентных типа:

а. т. А: 1. *кóлiр, кóльору* ‘цвет’ (с пересчетом?) ← *kolor* [← лат. *color*] (но мн. *кольорi*); 2. зап.-укр. *крíлик, -а* ‘кролик’ ← *królik* (с пересчетом) и др.;

а. т. F: 1. *капелю́х, -а* ‘шляпа’ ← ст.-пол. *kapeluch* (совр. *kapelusz*) [← лат. *cappell[us]*], уменьш. *капелю́шок*; 2. *папíр, -у* ‘бумага’ ← *papier* [← свн. *papier*]; 3. *пампу́х, -а* ‘пышка’ ← *patpuch* [← свн. *phankiuoche*]; уменьш. *пампу́шок*; 4. *поля́к, -а* ← *Polak* (поэтому это полонизм, ср. др.-рус. *полякы́* [Зализняк: 650])⁷ и др.;

а. т. B: 1. *дуршля́к, -а́* ‘дуршлаг’ ← пол. диал. *druszlak* (лит. *durszlak*) [← нвн. *Durchschlag*]; 2. *жебра́к, -а́* ‘попрошайка’ ← *zebrak, -а*; 3. *ганли́к, -а́* ‘застежной крючок’ ← ст.-пол. *heftlik* [← свн. *heftelín*]; 4. *ланцю́г, -а́* ‘цепь’ ← ст.-пол. *łańcug* (совр. *łańcuch*) [← свн. *lanne-zuc*], ср. уменьш. *ланцю́жок*; 5. *фарту́х, -а́* ‘фартук’ ← ст.-пол. *fartuch* [← ?, ср. нвн. *Vortuch*], ср. уменьш. *фарту́шок* и др.

А. т. А — самый редкий тип и, кажется, относится к более новому слою полонизмов; а. т. F можно считать основным; а. т. B, очевидно, вторичен по отношению к а. т. F; окситонизация связана с выделением «субморфов» и подстройкой под большинство слов с продуктивными суффиксами, в т. ч. — *-а́к, -ака́* (ср. *юна́к, юнака́* ‘юноша’) и др. Весьма часты случаи колебания, см. [Пристай, Пристай 2012].

Теперь специально рассмотрим группу существительных на *-ар* (названия профессий). Суффикс *-ар/-яр*, род. *-аря/-яра*⁸ продуктивен. Существительные с этим суффиксом могут ударяться по а. т. А, ср. *не́кар, -я* или по а. т. B, ср. *школя́р, -яра́*). В современном украинском система размыта;

⁷ Ср. еще совр. галицкое *поля́к, -а* — повторное заимствование вместо лит. *поля́к, -а*.

⁸ По указанию С. Г. Болотова (в литературе мы этого не встречали), в украинском и русском языках действует не знающее исключений синхронное морфологическое правило распределения вариантов этого суффикса: мягкий вариант *-арь* (совр. укр. *-ар*), род. *-аря* — после твердой производящей основы (ср. рус. *пономáрь, -аря́*, укр. *палама́р, -аря́*, так же рус. *корчма́рь, ле́карь*, укр. *корчма́р, лі́кар* и др.); твердый вариант *-ар*, род. *-ара* — после мягкой производящей основы (ср. рус. и укр. *школя́р, -яра́*, так же *маля́р*, укр. *вапня́р* ‘известник’, *бараня́р, мідя́р* и др.). Это правило живо и продуктивно в обоих языках: так, в русском литературном языке фонема /ч/ считается (и является) мягкой, и поэтому *гонча́р, -ара́, овча́р, -ара́*; украинская же фонема /ч/ — твердая, поэтому *ганча́р, -аря́, вівча́р, -аря́*. При колебании мягкости-твердости производящей основы варианты распределены так же строго, ср. укр. *псар, -аря́ и псяр, -яра́*.

большинство слов имеет акцентные варианты. В. Г. Складенко приводит обширный украинский материал [Складенко 2006: 432]; [Складенко 2017: 560], отмечая, что общим правилом в исконных словах является окончное ударение, независимо от праславянской акцентной парадигмы. Накоренное же ударение — редкий архаизм, сохранившийся лишь в небольшом ряду слов. При рассмотрении этого материала — сначала для слов, которые можно считать исконными (не полонизмами), — бросается в глаза следующее распределение: при наличии в украинском существительного, годящегося на роль синхронного производящего, слова на *-ar/-яр* ударяются по конечно-ударному типу:

а. т. В: *рибáр* (хотя прасл. **rǔbārijь*; производящее *риба*), *торбáр*, *щиткáр*, *звiздáр*, *книгáр*, *лихвáр* ‘ростовщик’, *млинáр* ‘мельник’, *пушкáр*, *дзвонáр*, *золотáр*, *димáр*, *льонáр*, *сукнáр* ‘суконщик’, *псáр*, *винáр*, *вiвчáр* ‘овчар’, *свинáр*, *собакáр*, *смiттýр* ‘мусорщик’, *пiснýр*, *рiзбýр*, *срiблýр* ‘серебрильщик’, *бубнýр* ‘бучильщик’ и мн. др., а также *косáр*, *дзвонáр* (о них см. ниже).

Исключение (колебание): *митáр* (*мито*), но, вероятно, это церковнославянизм [Булаховский IV: 291]. То же может относиться и к *виногрáдар*, но ср. также многосложные *аптекар* и *библиотéкар* (видимо, дело в длине слов).

В прочих случаях часто имеются соотносимые глаголы, тогда возможен накоренной тип (но чаще оба варианта):

а. т. А: *пéкар*, *лiкар*⁹ ‘врач’, *пiсар*, *дáхар* ‘дающий’ [Булаховский IV: 291], *жи́хар* ‘житель’ [там же];

а. т. А или В: *тóкар*, *знáхар*, *пáхар*, *провóдар* ‘проводырь’, *волóдар* ‘властелин’, *орудáр* ‘заправила’.

Отклоняются *нюхáр*, *доýр* (русизмы?), а также *косáр*, *дзвонáр*, которые в [Складенко 2017: 564] даются как отглагольные, но формально имеют производящие *косá*, *дзвiн* ‘колокол’ (однако само ударение *косáр*, *дзвонáр* может быть праславянским).

⁹ Слово ‘пекарь’ традиционно считается западнославянской полукалькой нем. *Bácker* [Фасмер], ср. в т. ч. отсутствие *-ě* в русском (не ***пéкарь*). Тем не менее, если это и не общеславянское слово, то, вероятно, оно очень рано распространилось (ср. схрв. *pěkar*), причем во всех славянских языках, в т. ч. в украинском, оно четко мотивировано глаголом ‘печь’. Подобное, видимо, относится к слову *лiкар* ‘врач’, ср. глагол *лiкувати* ‘лечить’ и т. д., подробнее см. [Булаховский IV: 290].

Если синхронных производящих нет — а. т. А или В: *gospódár* ‘хозяин’. Итак, накоренное ударение возможно, если нет однозначного **именного** производящего¹⁰.

Так же распределены полонизмы на *-ap*: а. т. А в словах, заимствованных из польского уже с суффиксом, — при отсутствии в украинском существительного, синхронно годного на роль производящего; в противном случае, т. е. если соотносимые производящие есть, — тип а. т. В (начнем с него как более обычного и открытого):

а. т. В: 1. *drukár* ‘печатник’ ← пол. *drukarz* [← нвн. *Drucker*] (но ср. также *druk* ‘печатать’ ← *druk*); 2. *ważár* ‘весовщик’ ← *wagarz* (ср. *waga* ‘весы’, об этом слове см. ниже); 3. *kilimár* ‘коверщик’ ← *kilimiarz*, *-a* (с мягкостью) (ср. *kílim* ‘ковер’); 4. *школя́р* ‘школьник’ ← *szkolarz* (ср. *шко́ла*) и мн. др.

В редких случаях связь с синхронным производящим туманна, тогда имеем колебания: 1. *столя́р* и (редко) *столя́р* [Голоск.] ← *stolarz* (ср. *стіл* ‘стол’ — уже по значению); 2. *владáр* и *владáр* ‘властитель’ ← *władarz* [← ст.-чеш. *vládař*] (ср. *влáда* ‘власть’).

Когда синхронного производящего нет, основной (или единственный) вариант имеет накоренное ударение (старопольские формы даем без помет; для германизмов даем год первой письменной фиксации в польском по [WDLPSS]):

а. т. А: 1. *ку́хар* ← (?) *kucharz* [← ст.-чеш. *kuchař* — от глагола *kuchati* *‘варить’ (теперь ‘потрошить’, но ср. схрв. *kùhati* ‘варить’) ← двн. *kochôn* ← лат. *coquere*] при полном отсутствии какого-либо ***кух*; 2. *ру́мар*, *ли́мар* ‘шорник’ ← *rymarz*, *rymer* (1411) [← свн. *riemer*]; 3. *ру́цар*, *ли́цар* ← пол. *rycerz*, ст. *licerz* [← свн. *rūtare*, *rīter*, *riter*, *ritter*], ср. чеш. *rytíř* < *rytieř*, однако уже друс. *рыцерь*, *рицерь* («сближено с царь») [Фасмер], поэтому скорее всего общевосточнославянское; 4. *слóсар* ← *ślusarz* (1444) [← свн. *slozzer*];

а. т. А или В: 1. *ре́йтáр*, *ле́йтáр* [Грінч.] ‘конный солдат’ ← *rejtár* (1455), *rajtar*, *rajtarz* и др. [← свн. *reiter*]; 2. *му́ляр* ‘каменщик’ ← *mularz* [← свн. *mūrere*], ср. чеш. диал. *mulař*, *mulář*; 3. *мáляр* [СУМ] ← *malarz* [← свн. *mālære*, *māler*], ср. чеш. *malíř*, слц. *maliar*; 4. *зрáбáр* ‘землекоп’

¹⁰ Л. А. Булаховский для русского оспаривает высказанное ранее замечание [«Грамматика русского языка», I, М., 1952, § 297], указывающее на это распределение, признавая, что оно не лишено «методической полезности» [Булаховский IV: 290]. Тем не менее, очевидно, что в синхронном смысле — по крайней мере для украинского — это распределение является результатом реальных процессов.

← *grabarz* (1396) [← свн. *grabære*]; 5. *брóвáp* ‘пивовар’ ← *browarz* (1455) [← свн. **brouwer*]; 6. *кiяфáp* ‘ключник, дворецкий’ ← *szafar* [← свн. *schaffære*], ср. чеш. *šafář*; 7. *снiцáп* ‘резчик’ ← *snycar, sznicarz, snicar* и др. (1402) [← свн. *snitzer*]; 8. *гáпбáp* ‘кожевник’ ← *garbarz* (1423) [← свн. *garber*]; 9. *бóндар, бóднáp* ← *bednarz* (с пересчетом, если не исконно).

Итак, наблюдается следующий эффект: полонизмы (главным образом из германизмов) «сопротивляются» опрощению (т. е. обобщению а. т. В) при отсутствии синхронной мотивации. Это относится по большей части к случаям, в которых ощущается семантика суффикса ‘название профессии’. Однако имеются случаи, когда этот суффикс (или совпавший с ним исход) не имеет такого значения, и тогда более обычен а. т. В:

а. т. В: 1. *каламáп* ‘чернильница’ ← *kalamarz* [← лат. *calamārius*]; 2. *лiхтáп* ‘фонарь’ ← *lichtarz* (1480) [← свн. *liuhtære*]; 3. *лiнтвáп* ‘овечья шкура’ (с субморфом и искажением) ← *lentwal* (1509) [← нвн. **Lendfell*]; 4. *дзигáп*, ст. *дзегáп* ‘часы’ ← *zegar* (1490) [← свн. *seiger* ‘башенные часы’]; 5. *календáп* ← *kalendarz* [← лат. *calendārium*]; однако:

а. т. А (или В?): *цвiнтар, цвiнтáп* [ЕСУМ] ‘кладбище’ ← *сmyntarz, сmentarz* [← лат. *cimiterium, cimeterium*]

Из приведенного можно сделать вывод, что в украинский язык польские существительные с суффиксом *-ar[z]*, скорее всего, заимствовались с накоренным ударением (а. т. А), а обобщение а. т. В происходило на украинской почве (где конечноударный суффикс *-áп/-яп, -аря/-яра* продуктивен) только при наличии синхронной мотивации. Однако, судя по преобладанию а. т. В в примерах с иной семантикой (т. е. не ‘названия профессий’): *каламáп, дзигáп* и др., можно с осторожностью предположить, что уже при заимствовании ударение в них было конечным (исключение *цвiнтар*). Но даже если это и так, то дальнейшие выводы были бы преждевременны.

3. Ложные полонизмы (?)

Теперь рассмотрим украинские существительные женского рода на *-а*, подаваемые как вероятные полонизмы в [ЕСУМ] и [Фасмер], но имеющие конечное ударение (а. т. В), в т. ч. как вариант. По меньшей мере три случая такого ударения, кажется, следует считать фантомами (один — точно). Конечное ударение в них малодостоверно:

1. *gálbá* ‘пол-литра, кружка пива’ [ЕСУМ] ← *halba* (1600) [← нвн. *Halbe*]; [ЕСУМ] ссылается на [СУМ] (там только *gálbа*) и на [Явор.], который дает *гальба́* со ссылкой на [Дубняк: 19], но в последнем ударения вообще не проставлены; таким образом, ударение Яворницкого фиктивно;

2. *márpá* ‘щит особого типа’ [Желех.] ← *tarcza* [← свн. *tar(t)sche* ← фр. *targe*]; если это исторический термин, то ударение недостаточно;

3. *pytá* ← *ruta* [← свн. *rüte* ← лат. *ruta*]; двойное ударение дается только в [Hanusz 1884] (по [Скляренко 2006: 15]).

Видимо, только одно слово — более или менее бесспорный полонизм с преобладающим наконечным ударением: *truná* ‘гроб’ ← ? ст.-пол. *truna*, *trunna* (совр. лит. *trumna*) [← нем. диал. *trüne* [Boryś]], однако ср. а. т. А в формах *трүмна*, *трүнна* и др., подробнее см. [Скляренко 2006: 15].

Несколько слов едва ли можно считать украинскими полонизмами, в т. ч. в связи с их распространением во всем восточнославянском ареале:

1. *roná* ‘рассол, сукровица, нефть’ ← ? *ropa*, ср. рус. *ронá*, бел. *paná*; нет никаких оснований считать полонизмом и вообще заимствованием;

2. *сү́ма* ← ? *suma* [← двн., свн. *soum* ← народнолат. *sauma* < лат. *sagma* ‘вьючное седло’ ← греч. *σάγμα*], ср. рус., бел. *сумá*; нет оснований считать полонизмом, вопреки [Фасмер]; видимо, старый германизм; дело, однако, осложняется укр. диал. *сунá* при пол. ст. *suna* ‘тж.’;

3. *шлея́* ← ? *szleja* (*szla*, *śla*, *szelka*) [← ? двн. *siló*]; необязательно считать, что рус., укр. *шлея́* заимствовано именно из формы пол. *szleja* с неясной морфологией (возможно и обратное направление);

4. *спі́на* ← ? *spina* [← ? лат. *spīna*], ср. рус. *спина́*; этимология неясна, ударение колеблется [Пристай 2004: 195];

5. *пеня́* ‘штраф, пеня’ ← ? *pena* [← лат. *poena* ← греч. *ποινή*]; наличие мягкости (т. е. иное оформление основы) усложняет сравнение.

Остается группа слов, отсутствующих (по крайней мере в виде а. т. В) в русском, но широко представленных в других славянских языках:

1. *вага́*, вин. *вагу́* ‘вес; весы’ ← ? *waga* (1361) [← двн. *wāga*]; ср. схрв. *vāga* < **vāgā* (?); есть и редкий вариант *vāga*, см. [Скляренко 2006: 15];

2. *циха́* ‘значок, черта’ ← ? *cecha* (1441), *cycha* [← свн. *zeichen*], ср. ст.-сл. *ciacha* (м. б., из позднего дифтонга *-ei-* (?)) [Newerkla 2000: 158]; судя по укр. *-i-*, источником заимствования могла бы быть некая форма **cěxa* (с ятем), явно допольская, но позже V–VI вв. (когда двн. **t* > *z* — V–VI вв.). Впрочем, ять здесь может быть вторичным, ср. *циль* < **cělъ*

[← ? свн. *zil*]; ср. несомненный полонизм укр. *цѣха* ‘значок, присвоенный цеху или какому-либо обществу’ [Грінч.] (у Скляренко нет);

3. *метá* ‘цель’ ← ? *meta* [← лат. *mēta*, с долгим *-ē-*!]; ср. также схрв. *méta*, каковое может быть поздним, а не < ***mētã*, что, впрочем, трудно установить, так как это слово как будто распространилось с эвакской территории (где **-ē-* > *-ē-*), в т. ч. из Воеводины, в связи с чем может быть венгерским латинизмом [Skok]; ср. несомненный полонизм бел. *мэ́та* (у Скляренко нет);

4. *шкóдá* ‘жаль’ ← ? *szkoda* [← двн. *scado*]; существительное обычно только *шкóда* ‘ущерб’, но см. [Скляренко 2006: 16].

Соответствия (?) в славянских языках:

укр.	бел.	пол.	словин.	чеш.	слц.	схрв.
<i>метá</i>	[<i>мэ́та</i>]	<i>meta</i>		<i>meta</i>	<i>méta</i>	<i>méta</i>
<i>цѣхá</i>		<i>cecha</i>		<i>cícha</i>	<i>ciacha</i> (ст.)	
<i>вагá</i>	<i>вагá</i>	<i>waga</i>	<i>váǰǰǎ, vaǰóǰy</i>	<i>váha</i>	<i>váha</i>	<i>vága</i>
<i>шкóдá</i>	<i>шкадá, шкóда</i>	<i>szkoda</i>	<i>škǰǰǎ, škǰǰóǰy</i>	<i>škoda</i>	<i>škoda</i>	<i>škǰda</i>

Два из этих слов претендуют на статус праславянских германизмов: прасл. **vaga* ← двн. *wāga* (один из возможных источников) [Pronk-Tiethoff 2013: 164]¹¹ и **škoda* ← двн. *scado* [там же: 172]¹². Ударение укр. *шкóдá* выбивается из ряда соответствий в остальных языках. Как бы то ни было, очевидно, что нет оснований считать эти четыре слова полонизмами.

Из рассмотренных выше слов скорее всего является полонизмом и при этом ударяется по а. т. В только одно слово — *трунá*. В остальном же эти слова на поверку оказываются заимствованными не из польского языка (или их польское происхождение недоказуемо).

4. Вместо заключения

Сама по себе тема акцентуации украинских полонизмов, очевидно, не исчерпана. Так, загадочным остается нетривиальное ударение горстки глаголов: *дя́кувати* ‘благодарить’ ← *dziękować*; *кóштувати* ‘стоит’ ← *kosztować* (при вар. *коштува́ти*); *прóбувати* ← *próbować* (ср. и рус. *прóбовать*), которым

¹¹ Где дается схрв. «*vága*» с ошибочным ударением, а также явно поздний русский диалектный полонизм *vága*.

¹² Ударение укр. *шкóдá* не учтено.

едва ли можно отказать в польском происхождении (однако и здесь тоже пока мало что ясно).

Литература

- Булаховский IV — *Булаховский Л. А.* Избранные труды в пяти томах. Т. IV. Славянская акцентология. Киев, 1980.
- Винницький 2004 — *Винницький В. М.* Акцентуаційні етюди. Жовква, 2004.
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Пристай 2004 — *Пристай Б. П.* Наголошення у говорах і акцентна варіантність // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка (14). С. 194–199.
- Пристай, Пристай 2012 — *Пристай Б., Пристай Г.* Акцентне засвоєння запозичень в українській мові // Рідне слово в етнокультурному вимірі 2012. С. 218–227.
- Скляренко 2006 — *Скляренко В. Г.* Історія українського наголосу. Іменник. Київ, 2006.
- Скляренко 2017 — *Скляренко В. Г.* Історія українського наголосу. Дієслово. Київ, 2017.
- Hanusz 1884 — *Hanusz J.* Über die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen // Arch. slav. Philol. Berlin, 1884. Bd. 7. S. 222–255, 325–385.
- Newerkla 2004 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Frankfurt am Main, 2004.
- Pronk-Tiethoff 2013 — *Pronk-Tiethoff S.* The Germanic Loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam, New York, 2013.

Словари

- Голоск. — *Голоскевич Г.* Правописний словник. Харків, 1929.
- Грінч. — *Грінченко Б.* Словарь української мови. В 4 т. Київ, 1907–1909.
- Дубняк — *Дубняк К.* Російсько-український словничок термінів природознавства і географії. Кобеляк, 1917.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. У 7 т. Київ, 1982–2012.
- Зализняк — *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. В 2 т. Т. II. Древнерусский и староревеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М., 2011.
- СУМ — Словник української мови. В 11 т. Київ, 1970–1980.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О. Н. Трубачёва. В 4 т. М., 1986.
- Явор. — *Яворницький Д.* Словник української мови. Катеринослав, 1919.
- Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971.

WDLPSS — Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache [<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdlp>].

Summary

Mikhail Osłon

Towards a Description of the Accentuation of Old Polonisms in Ukrainian

The article discusses the accentuation of old Polish borrowings into Ukrainian. A few words, traditionally deemed Polonisms, display certain accentual peculiarities making their Polish origin doubtful.